

УДК 340.1

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(2).327-336

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

И.В. Анохов, И.А. Кузнецова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
9 января 2017 г.Дата принятия в печать
28 апреля 2017 г.Дата онлайн-размещения
21 июня 2017 г.

Ключевые слова

Организованная преступность;
функциональная криминальная
специализация; технологическая
криминальная специализация;
криминальная страта

Аннотация. Организованная преступность представляет собой наиболее опасный для государства и общества вид преступности. Многообразие ее проявлений затрудняет своевременное обнаружение и ликвидацию организованной преступности, что дает ей возможность окрепнуть и усилиться. В результате сегодня организованная преступность в большей или меньшей степени присутствует во всех сферах экономической жизни. Зачастую она получает контроль над целыми отраслями или регионами страны. Общество и государство оказываются не в состоянии предотвратить этот процесс. Катализатором роста организованной преступности могут служить экономические кризисы, в результате которых легальный бизнес склонен перемещаться в теневой сектор.

Для того чтобы бороться с организованной преступностью, сначала необходимо ее идентифицировать. Между тем в настоящее время отсутствует устраивающее всех специалистов определение и описание этого явления. Гибкость, изменчивость, феноменальная приспособляемость, мимикрия и аморфность затрудняют законодательное фиксирование признаков данного вида преступности.

Описание организованной преступности как совокупности преступников или преступных деяний малопродуктивно. Более продуктивным может быть построение модели организованной преступности как совокупности функциональных уровней, на каждом из которых наблюдается технологическая криминальная специализация. В статье исследованы отличительные черты экономической организованной преступности, выявлены виды и особенности криминальной специализации. Сделан вывод о том, что эволюция организованной преступности от физического уровня к мировоззренческому приводит к появлению в обществе специфической криминальной страты. Сформированная криминальная страта является «грибницей», прорастающей в теле общества и дающей ядовитые «всходы» то на одном участке, то на другом. По этой причине определить полный перечень признаков организованных преступных формирований вряд ли возможно.

MODELING OF ORGANIZED ECONOMIC CRIME

Igor V. Anokhov, Irina A. Kuznetsova

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
2017 January 9Accepted
2017 April 28Available online
2017 June 21

Keywords

Organized crime; functional criminal
specialization; technological criminal
specialization; criminal stratum

Abstract. Organized crime is the most dangerous type of crime for the state and the society. It exists in multiple forms, which hinders the timely identification and destruction of criminal gangs, so they gain strength and power. As a result, organized crime is now present in all economic spheres to a greater or a lesser degree. Quite often criminal gangs control whole industries or regions. The society and the state turn out to be unable to prevent this process. Economic crises could act as catalysts for the growth of organized crime, as legal businesses tend to move to the shadow sector.

The first step to fighting organized crime is its identification. However, at present no definition and description of this phenomena suits all specialists. Its flexibility, changeability, outstanding adaptability, mimicry and amorphic character hinder the legislative embodiment of the signs of this crime.

The description of organized crime as an aggregate of criminals or criminal acts is not productive. A more productive approach could be a model of organized crime as an aggregate of functional levels, where each level has its own technological criminal specialization.

The paper researches distinctive features of economic organized crime, identifies the types and special characteristics of criminal specialization. The author concludes that the evolution of organized crime from the physical to the world-view level results in the appearance of a specific criminal stratum of society. The criminal stratum acts as a «mycelium», which grows in the society's body and sprouts poisonous «growth» in one or another area. Due to this, it is hardly possible to compile a comprehensive list of characteristic elements of organized criminal groups.

Проблема организованной преступности осознается как на национальном уровне, так и в международном масштабе¹. По мнению О.С. Капинус и А.О. Шорора, преступную деятельность можно представить как специфический способ «производственных» отношений [1, с. 294]. Организация преступной деятельности имеет много сходства с организацией деятельности легальных коммерческих корпораций. Авторы в этой связи указывают на то, что в правовой системе США преступные организационные структуры даже рассматриваются как нелегальные коммерческие предприятия.

И.И. Карпец полагал, что следует «прямо перечислить статьи закона, наиболее характерные для организованной преступности (хищения, кражи, злоупотребление наркотиками, контрабанда, бандитизм, разбой, вымогательство и др.), и тем самым исключить расширительное толкование понятия «организационная деятельность» [2, с. 25]. Учитывая скорость изменений в экономической жизни и стремительное развитие технологий, такой список статей будет необходимо непрерывно расширять, что в конечном счете сделает его громоздким и малоэффективным.

Главным и безусловным признаком рассматриваемого явления выступает организованность, сходная с организованностью легального бизнеса. В.В. Лунеевым были сформулированы признаки организованных преступных формирований, очень напоминающие описание крупной корпорации такими элементами, как:

- наличие организатора или руководителя;
- вертикальная иерархическая структура;
- четкое разделение функциональных ролей;
- беспрекословное соблюдение дисциплины;
- система наказаний, применяемых в зависимости от тяжести проступка;
- наличие централизованного денежного фонда;
- сбор информации о наиболее привлекательных источниках дохода;
- активное внедрение в правоохранительные и иные государственные органы;

¹ Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992. С. 24.

– легализация доходов от преступной деятельности и самой преступной деятельности;

– сознательное формирование позитивного образа организованной преступности в общественном сознании через СМИ и институты культуры;

– делегирование функций непосредственной организации или совершения конкретных преступлений от руководителей к подчиненным;

– подчиненность преступной деятельности таким целям, как нажива и безопасность [3, с. 26].

Как видно из приведенного перечня, отличия организованной преступности от крупного легального бизнеса минимальны.

Рассмотрим типичное единичное преступление, совершаемое конкретным лицом [4]. Так, Череповецким районным судом Вологодской области было изучено дело в отношении В.А. Кустова, совершившего незаконную рубку лесных насаждений в особо крупном размере². В.А. Кустов умышленно, с целью незаконной рубки древесины, взяв бензопилу, на принадлежащем ему тракторе приехал в лесной массив, где в нарушение правил отпуска древесины, не имея разрешения на рубку деревьев, в течение нескольких дней с помощью бензопилы спилил деревья в защитных лесах зеленой зоны.

Таким образом, В.А. Кустовым была продумана и реализована достаточно простая технология получения материальной выгоды с помощью незаконной рубки леса (рис. 1).

На данном уровне мы видим исполнителя и организатора преступления в одном лице. Такое единичное преступление конкретного лица, вовремя не пресеченное правоохранительными органами, будет повторяться и усложняться. Если преступная деятельность окажется достаточно прибыльной, то у ее организатора появятся соучастники, и в итоге возникнет криминальная специализация, при которой каждая стадия незаконной рубки будет выполняться конкретным исполнителем (вальщик леса, обрубщик сучьев, трелевщик, штабелевщик и т.д.). Это не что иное, как *криминальная технологическая специализация*, т.е. последовательность криминальных операций, выполняемых заранее назначенными сообщниками. Чем более узкой будет специализация каждого исполнителя, тем результативнее окажется их криминальная деятельность по следующим причинам:

² Уголовное дело № 1-162/10 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-cherpoveckij-rajonnyj-sud-vologodskaya-oblast-s/act-100772220>.

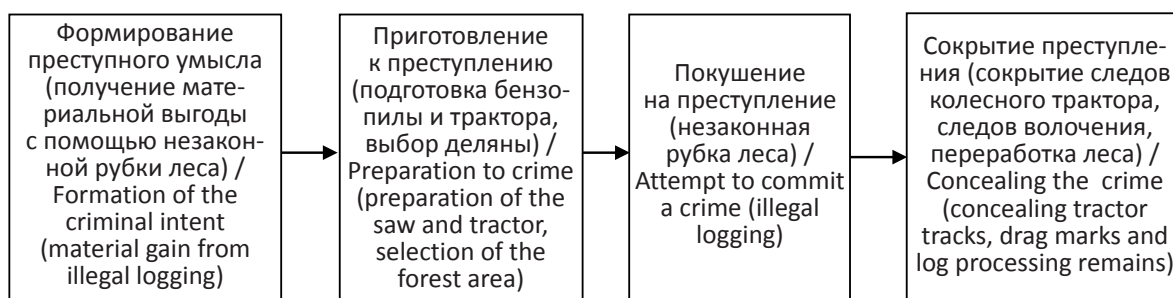

Рис. 1. Технология получения материальной выгоды с помощью незаконной рубки леса

Fig. 1. The scheme of gaining material profit from illegal logging

1. Как известно, среднестатистический человек не в состоянии удерживать в сознании более пяти — семи дел одновременно, а скорость обработки им информации не превышает 15 бит / с. Соответственно, чем меньше криминальных операций выполняет соучастник, тем быстрее и качественнее он это делает, так как у него нет необходимости удерживать в сознании все аспекты преступления.

2. Чем уже перечень выполняемых операций, тем быстрее нарабатываются специфические навыки, накапливается криминальный опыт, а также легче осваиваются, разрабатываются и совершенствуются орудия преступления.

3. Коллективная деятельность, в том числе криминальная, приводит к возникновению общего производственного ритма, благодаря которому у каждого соучастника появляется психологическая поддержка, формируется чувство локтя, их действия становятся более уверенными и четкими.

4. Специализация снижает потери времени на переход от одного вида криминальной деятельности к другому, отсутствуют затраты на подготовку орудий преступления и психологическую настройку.

Таким образом, чем более дробной является специализация группы преступников, тем выше криминальная результативность этой группы. В предельном случае каждый ее участник выполняет только одно действие. Это снижает требования к криминальной квалификации каждого отдельного члена группы и одновременно делает его замену более легкой. Рассматривая криминальную специализацию, Н.В. Кузьмина справедливо отмечает, что ее «высшим проявлением выступает создание структур, специализированных на применении насилия, коррупции и институциональном регулировании» [5, с. 15].

По сравнению с вышеописанным преступлением, совершенным В.А. Кустовым, деятельность специализированных групп значительно опаснее. Например, приговором Алапаевского городского суда Свердловской области З., Щ. и Г. признаны виновными в совершении незаконной рубки лесных насаждений группой лиц по предварительному сговору. Установлено, что «в соответствии с распределением ролей З. указывал место незаконной рубки, объем подлежащих незаконной рубке деревьев, а также предоставлял необходимую технику и горюче-смазочные материалы, Щ. производил незаконную рубку деревьев, а Г. вывозил спиленные деревья»³.

У более специализированных бригад «черных лесорубов» дело поставлено еще основательнее. Так, первой на деляну прибывает группа вальщиков, как правило, на мотоциклах. После того как первая группа закончила дело, работу начинает вторая группа, оснащенная трактором. Ее роль заключается в укладке срубленного леса в штабеля. Только затем на место прибывают лесовозы для транспортировки срубленного леса. В результате к ответственности могут быть привлечены только некоторые участники такой деятельности.

Как видно из приведенного примера, после того как была достигнута оптимальная специализация на уровне физических действий по незаконной рубке леса, произошел переход на функционально более сложный уровень. Появился «хозяин», организующий бригады «черных лесорубов», обеспечивающий им прикрытие, транспорт, снабжение горюче-смазочными материалами, организующий сбыт и т.п. [6, с. 85] (рис. 2).

³ Приговор Алапаевского городского суда Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <http://rospravosudie.com>.

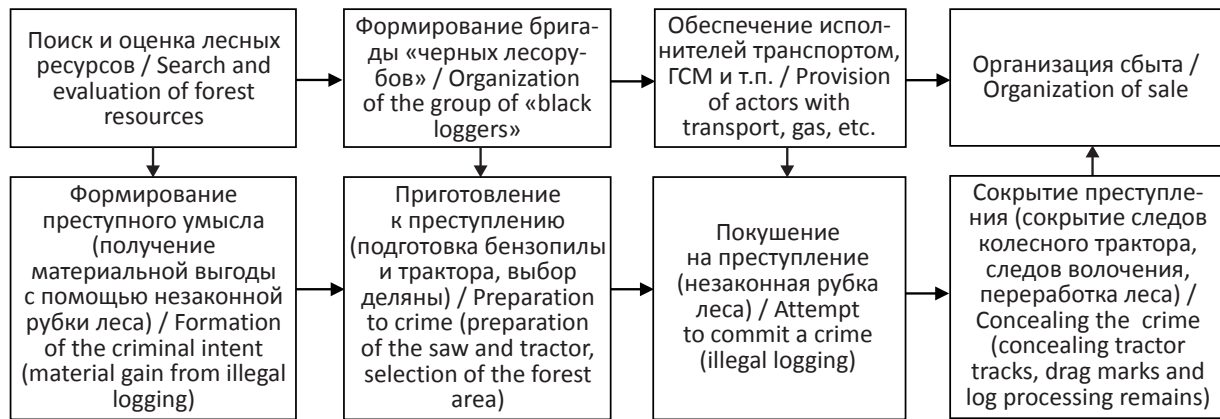

Рис. 2. Двухуровневая функциональная специализация

Fig. 2. Two-level functional specialization

Как видим, здесь можно говорить о следующем витке организационной сложности преступной деятельности — появилась специализация на более высоком уровне деятельности, который можно обозначить как *коммуникативный*. На этом уровне осуществляется организация взаимодействия между членами преступной группы с целью обеспечения исполнителей материалами и орудиями преступления, логистической поддержкой и сбытом.

Таким образом, наряду с технологической криминальной специализацией возникает *функциональная криминальная специализация* — система разноуровневых, выполняемых параллельно операций, направленных на получение материальной выгоды.

В максимально развернутом виде функциональную специализацию можно представить как совокупность следующих функциональных уровней:

1. Физический уровень. Применительно к незаконной рубке леса это непосредственные физические операции по вырубке деревьев, их трелевке, транспортировке и др.

2. Коммуникативный уровень. Он включает обмен информацией между участниками, выполнение транспортно-снабженческих операций, подбор и подготовку новых кадров для преступного сообщества. Сюда же относится распределение непосредственных обязанностей (ролей) между участниками преступного сообщества, поддержание жесткой дисциплины.

3. Экономический уровень. Здесь происходит накопление преступного дохода, оплата необходимого оборудования и материалов, денежное вознаграждение соучастников и т.п.

4. Технологический уровень, содержанием которого является совершенствование технологии совершения преступлений, разработка способов их сокрытия, определение направлений преступной деятельности, осуществление мер безопасности в отношении членов преступного сообщества, а также мер по конспирации и контрразведке.

5. Координационный уровень. На этом уровне происходит взаимодействие с внешними структурами: планируется и реализуется проникновение в государственные и правоохранительные органы, легализуются доходы, а также отдельные персоны. Здесь же осуществляется координация преступных действий с деятельностью других организованных групп, раздел сфер криминального влияния. В результате, по мнению Ю. Чайки, организованная преступность уже не скрывает свою противоправную деятельность, а «блокирует реакцию государства с помощью коррумпированных чиновников различного ранга» [7].

6. Мировоззренческий уровень. Любой человек, даже преступник, нуждается в признании и моральном одобрении своей деятельности. Преступнику важно знать, что он совершает антисоциальную деятельность не только ради личных корыстных целей, но и ради целей более высокого порядка. И такое оправдание он получает в виде глубоко укорененного в общественном сознании образа благородного грабителя, уважаемого вора, народного мстителя или ловкого, посрамляющего властителей, неуловимого Робин Гуда⁴. В результате

⁴ Архетип благородного разбойника: от Тиамыда до Леона [Электронный ресурс]. URL: <http://tervby.livejournal.com/1132.html>.

в общественном сознании возникают ростки своеобразной извращенной криминальной нравственности. В этом смысле люди творческих профессий, певцы и артисты, воспевающие ценности преступного мира, являются полноценными соучастниками преступлений, так как вносят в культуру общества факт признания высокой социальной значимости криминала [8, с. 33]. Из-за их деятельности «в сознании некоторой части подростков и молодежи укрепляется мнение о том, что быть судимым, носить знаки принадлежности к преступному миру чуть ли не признак высочайшей доблести» [9, с. 5].

В таком предельно развернутом виде организационную сложность преступности можно представить при помощи рис. 3.

Эволюция организованной преступности от физического уровня к мировоззренческому приводит к появлению криминальной социальной страты, объединенной общей этикой, договоренностями, технологиями, денежными потоками, логистическим и физическим взаимодействием.

Сформированная криминальная страта становится «грибницей», прорастающей в теле общества и дающей ядовитые «всходы» то на одном участке, то на другом. По этой причине

определять перечень признаков организованных преступных формирований малопродуктивно.

Сходство организации криминальных структур с устройством легальных коммерческих структур облегчает связи между ними и дает возможность организованной преступности легко переходить в легальный сектор экономики и возвращаться обратно в теневую экономику. При этом конкурентоспособность криминального бизнеса существенно выше по сравнению с конкурентоспособностью законопослушных предпринимателей, поскольку количество степеней свободы у него намного больше и он легко пускает в дело весь арсенал преступных инструментов. В результате, если государство самоустраивается от этих процессов, легальный бизнес либо попадает под контроль организованной преступности, либо уходит в менее прибыльные и неинтересные для организованной преступности сегменты рынка.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем выделить следующие закономерности формирования криминальной страты:

1. Развитие организованной преступности тождественно росту специализации каждого ее члена. При этом чем более специализированной является деятельность конкретного преступни-

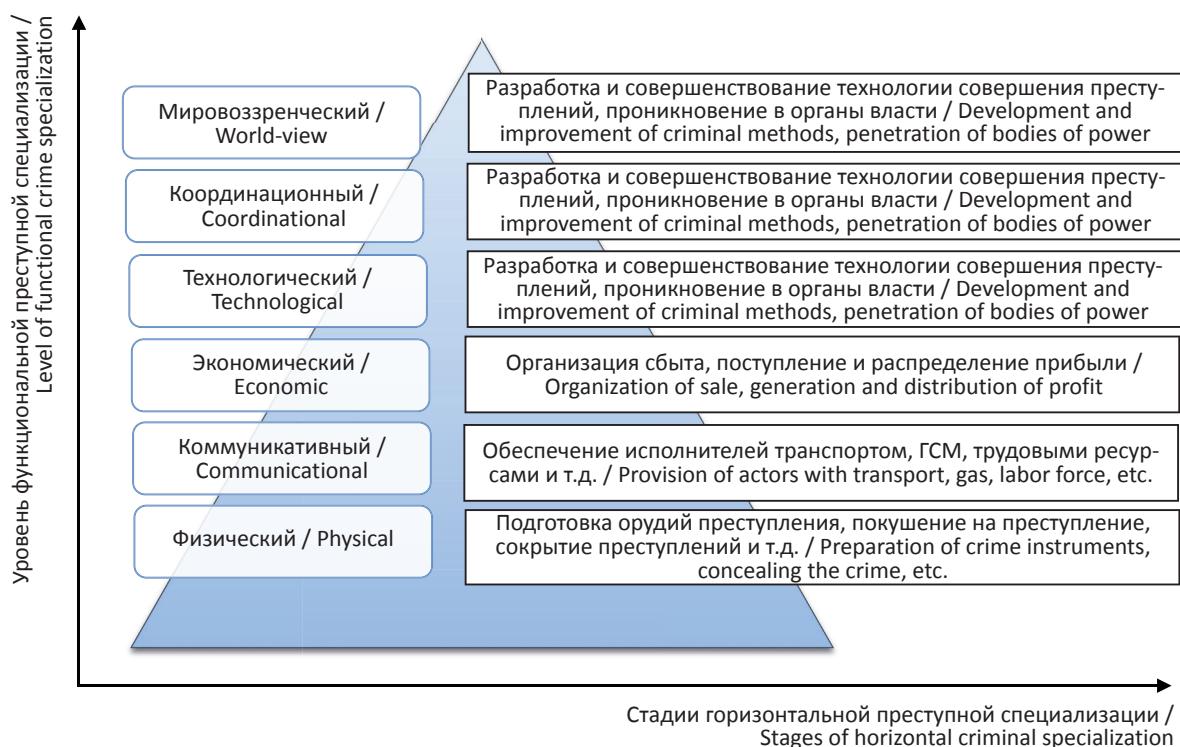

Рис. 3. Модель организованной преступности

Fig. 3. Organized crime model

ка, тем более беспомощным он становится во всех остальных аспектах, так как рост результатов в одной сфере достигается за счет падения результатов в других сферах. Так же как штангист ради победы должен пожертвовать быстротой движения и пластичностью, т.е. снизить свои результаты, например, в беге и гимнастике, так и высокоспециализированный преступник может контролировать только одну стадию преступления и будет жизненно зависимым от сообщников во всех остальных. Следствием этого является высокая взаимозависимость всех членов преступной организации, а значит, их высокая сплоченность и монолитность.

Другое следствие этой закономерности — опасность для организованной преступности слишком высокого уровня доходов каждого отдельного криминального специалиста, так как это означает большую его независимость и ведет к риску разрушения криминальной цепочки. Другими словами, обогащение рядовых преступников усиливает центробежные силы в организованной преступности и может привести к ее саморазрушению. Отсюда становятся понятными запреты в преступной среде на любое сотрудничество с органами власти, на обладание собственностью, семьей и т.д., так как это ослабляет зависимость от криминальной среды. Тот факт, что некоторые сегодняшние криминальные лидеры «вступают в контакты с сотрудниками правоохранительных органов, часто пользуются общаком в личных целях, участвуют в бизнесе, имеют дачи, машины, посылают своих детей за границу учиться в престижных вузах, не приветствуют аскетизм» [10, с. 14], объективно ведет к постепенному разложению организованной преступности.

2. Достижение оптимальной специализации на физическом уровне криминальной деятельности ведет к *переносу части функций в надсистему* — на коммуникативный уровень. В результате физический уровень упрощается и, как следствие, становится более стабильным и предсказуемым. Аналогичным образом развиваются и более высокие функциональные уровни. Чем выше функциональный уровень, тем выше требования к криминальной квалификации конкретного члена группы. Соответственно, возрастает количество разного рода привилегий и снижается степень физического принуждения. Внизу пирамиды остаются исполнители, каждый из которых в отдельности может не представлять особой ценности. Этим объясняется та

легкость, с которой такие исполнители ликвидируются.

3. По мере углубления технологической криминальной специализации (см. рис. 1) каждая отдельная стадия *превращается в подсистему* с собственной структурой и исполнителями.

4. В столкновениях двух систем организованной преступности победу, скорее всего, одержит система с наиболее развитой технологической и функциональной специализацией, потому что она обладает большей эффективностью на каждой стадии и на каждом функциональном уровне. Потерпевшая поражение менее развитая система организованной преступности частично разрушается, а частично встраивается в криминальные цепочки победителя и тем самым усиливает ее.

5. Резкий рост результативности преступной деятельности из-за появления новых функциональных уровней состоит в том, что нижестоящий криминальный уровень может делегировать второстепенные для него виды деятельности другому уровню, что, в свою очередь, позволяет высвободить ресурсы и сконцентрироваться на основной деятельности.

6. Увеличение силового давления государства на организованную преступность необходимо, но малоэффективно. Более плодотворным является последовательный демонтаж криминальной страты сверху вниз — от мировоззренческого уровня ко все более низким уровням. Первым шагом в этом направлении должно быть разрушение ореола криминальной романтики. Необходим общественный остракизм в отношении публичных персон, уличенных в любых связях с организованной преступностью [11, с. 98].

7. Следует разработать комплекс мер по обострению внутренних системных противоречий внутри криминальной страты. Одним из таких противоречий является стремление отдельных субъектов перераспределять денежные потоки в свою пользу, тяга к роскоши и комфорту, появление семей и забота о своих потомках, разрушение криминальной этики и др. Главная цель в данном случае — снижение интенсивности коммуникаций внутри криминальной страты, уменьшение зависимости от сообщников, рост конфликтности, дегармонизация интересов разных криминальных уровней.

8. Противостоять высокоспециализированной организованной преступности могут только более специализированные правоохрани-

тельные органы. Можно сказать, что тенденции развития криминала и органов правопорядка идентичны, и появление все новых профессий в структуре МВД подтверждает этот факт. Аналогичные процессы наблюдаются и в других странах, например в Великобритании⁵ и США⁶. Сдерживают этот процесс ограниченные «материальные и иные ресурсные возможности для реализации мер предупреждения» [12, с. 176].

9. Процессы глобализации проявляются в том, что криминальные цепочки удлиняются, оказываясь за пределами страны, становятся более устойчивыми и интенсивными [13]. Принципиально изменяется скорость и частота взаимодействия между преступными сообществами [14].

Можно выделить факторы, облегчающие или затормаживающие развитие организованной преступности:

1. Как всякий паразит, организованная преступность определяющим образом зависит от состояния организма-донора. Если экономика страны активно развивается, то и доля общественного богатства, присваиваемая криминалитетом, может увеличиваться. В случае обрушения по каким-либо причинам экономической активности в стране организованная преступность может активизироваться на низких функциональных уровнях за счет разрушения более высоких уровней, криминальные цепочки сокращаются, происходит разворот от специализации преступников к универсализации.

2. Наличие доступных материальных, нематериальных и человеческих ресурсов. Чем более они разнообразны, тем быстрее развиваются криминальные технологии. Соответственно, в крупной национальной экономике организованная преступность достигает более высокой специализации и результативности, чем в маленькой и изолированной экономике.

3. Восприимчивость к новым технологиям и разнообразие доступных идей. В этой связи И.М. Мацкевич справедливо отмечает, что лидеры организованной преступности «обладают такими чертами, как воля, хорошая физическая подготовка, способность к анализу и обобщению» [15, с. 5]. Чем выше личностный потенциал

криминальных лидеров, тем быстрее осваиваются новые криминальные технологии и захватываются новые ниши (например, в цифровой экономике). Это дает возможность упредить действия органов правопорядка и получить выгоду до применения карательных мер со стороны органов власти.

4. Сильная централизованная власть. Она позволяет организовать и финансировать крупномасштабные проекты, которые соответствуют интересам всех участников криминальной страды. Криминальная иерархия создает спрос на специалистов, на накопление знаний, берет на себя функции арбитража, принятия решений, перераспределения ресурсов.

Как известно, резкое сокращение уличной преступности может быть результатом более эффективной работы правоохранительных органов. Однако чаще всего это является следствием вытеснения организованным криминалом с улицы преступников-одиночек. Соответственно, активизация преступности в городском пространстве свидетельствует о неблагополучии на одном из функциональных уровней организованной преступности.

Именно с этой точки зрения требуется подходить к данным статистики. А.Л. Репецкая отмечает, что количество преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, изменяется волнообразно: «Темпы прироста в первое пятилетие (1997–2001) варьировали в пределах 28–36 тыс. преступлений, в 2002–2003 гг. наблюдался значительный спад в регистрации (25–26 тыс.), в последующие шесть лет (2004–2009) их амплитуда вновь поднялась до 29–32 тыс. преступлений в год. Последние пять лет (2010–2014 гг.) демонстрируют еще более резкое снижение, даже по отношению в базовому 1997 г. (с 22,7 до 15,1 тыс. преступлений)» [16, с. 67]. Также автор справедливо отмечает, что «эффективно действующая система защиты от социального контроля, используемая организованной преступностью, позволяет значительно снижать уровень выявления преступников при прохождении различных этапов уголовного процесса» [там же].

На наш взгляд, всплески регистрируемой преступности свидетельствуют не об активизации и развитии организованного криминала, они являются косвенными индикаторами его неблагополучия. Если организованная преступность не в состоянии скрывать от общества

⁵ National Crime Agency: a plan for the creation of a national crime-fighting capability [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-crime-agency-a-plan-for-the-creation-of-a-national-crime-fighting-capability>.

⁶ Department of Homeland Securityhttps [Electronic resource]. URL: www.dhs.gov.

свои преступные действия, то это означает, что на одном из функциональных уровней криминальной страты произошел сбой. И наоборот, торжественные рапорты о снижении уровня организованной преступности должны вызвать пристальное внимание специалистов и ответственных лиц.

Борьба с организованной экономической преступностью должна включать в себя следующие этапы, соответствующие функциональным уровням криминальной страты:

1. Искоренение из общественного сознания позитивного образа преступника. Всю мощь современных СМИ следует направить на демонстрацию обществу зла, которое творит организованная преступность. Подрастающему поколению эту мысль можно доносить в рамках школьного курса «Обществознание» и университетских спецкурсов. Публичные персоны, уличенные в симпатиях к преступности, должны стать нерукопожатными и потерять доступ к медийным ресурсам.

Из лексикона правоведов должны исчезнуть термины, заимствованные у преступников. Общепринятая сегодня практика использования таких слов, как «крышевание» [17, с. 250], «положенец» [18, с. 52], «сходка», «общак» [19, с. 141], является совершенно недопустимой. Эти термины необходимо заменить на такие, которые будут нести однозначную негативную оценку. Использование языка противника само по себе выступает признаком морального поражения.

Особого внимания требуют такие рассадники криминального мировоззрения, как тюрьмы, в которых «человеком, принявшим нормы и ценности криминальной субкультуры, усваивается и «перевернутая» картина мира, разобратся в которой порой не может он сам» [20, с. 273]. Перспективным направлением здесь является широкое применение средств удаленного контроля над осужденными (электронного браслета), которые облегчают реабилитацию и ресоциализацию преступника.

2. На координационном уровне требуются меры, лишаящие возможности выстраивать долгосрочные преступные связи. Этому способствует периодическая ротация чиновников, реальное декларирование доходов ответственных лиц, обострение противоречий между преступными группами, активизация структур общественного контроля (например, Общероссийского народного фронта). Кроме того, частота потенциально предосудительных контактов сегодня легко отслеживается с помощью программного обеспечения.

3. На технологическом уровне преступные группы часто опережают правоохранительные структуры. И.М. Мацкевич обращает внимание на то, что эффективным оружием в их руках сегодня стали виртуальные квазиденьги — биткойны, которые «угрожают мировой финансовой системе» [15, с. 8]. Органам правопорядка требуется время, чтобы распознать опасность, наработать практику и подготовить законодательную базу. В результате они опаздывают на несколько шагов. Мощным государственным ресурсом технологической эффективности являются научно-исследовательские структуры разных ведомств (в том числе МВД и Центрального банка), которые недоступны криминалитету.

4. На экономическом уровне главным инструментом выступает максимальная прозрачность всех финансовых потоков. Широко обсуждаемый в мировой прессе проект отказа от наличных средств⁷ логически завершит этот процесс.

5. На коммуникативном и физическом уровнях криминальной страты эффективность применяемых сегодня антикриминальных мер, очевидно, может быть повышена в результате изменения нравственности и мировоззрения общественности и ее активного содействия органам правопорядка.

⁷ Полный запрет наличных денег становится реальнее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/67643>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капинус О.С. Современные мировые тенденции организованной преступности / О.С. Капинус, А.О. Шорор // Современное уголовное право в России и за рубежом. — М. : Буквоед, 2008. — С. 294–315.
2. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность / И.И. Карпец. — М. : Рос. право, 1992. — 267 с.
3. Лунеев В.В. Организованная преступность в России: осознание, истоки, тенденции / В.В. Лунеев // Государство и право. — 1996. — № 4. — С. 25–27.
4. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная) : науч.-практ. пособие / Н.К. Семернева. — Екатеринбург : Урал. гос. юрид. акад., 2010. — 296 с.
5. Кузьмина Н.В. Активизация деятельности организованной этнической преступности как следствие изменения криминальной ситуации в современной России / Н.В. Кузьмина // Миграционное право. — 2009. — № 3. — С. 15–22.

6. Лавыгина И.В. Общая характеристика организованных форм преступной деятельности в лесопромышленном комплексе Иркутской области и Республики Бурятия / И.В. Лавыгина // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией : сб. науч. ст. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005. — С. 84–94.
7. Чайка Ю. Организованную преступность прикрывают коррумпированные чиновники / Ю. Чайка // Российская газета. — 2011. — 12 янв.
8. Анощенко С.В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) / С.В. Анощенко // Lex Russica. — 2016. — № 8. — С. 33–47.
9. Татинова Т.Г. Организованная преступность и молодежь / Т.Г. Татинова // Социологические исследования. — 2000. — № 1. — С. 55–61.
10. Иванцов С.В. Личностные свойства лидеров организованных преступных формирований / С.В. Иванцов // Юридическая психология. — 2008. — № 4. — С. 14–19.
11. Бибики О.Н. Система культурных ценностей как основа механизма правового регулирования / О.Н. Бибики // Право и государство: теория и практика. — 2008. — Т. 47, № 11. — С. 98–101.
12. Малков В.Д. Теоретические, правовые и организационные проблемы деятельности органов внутренних дел по предупреждению и профилактике преступлений и иных правонарушений / В.Д. Малков // Общество и право. — 2008. — № 3. — С. 175–182.
13. Robinson J. The Merger. The Conglomeration of International Organized Crime / Jeffrey Robinson. — Woodstock, New York : The Overlook Press, 2000. — 383 p.
14. Shelley L. The Globalization of Crime and Terrorism [Electronic resource] / Louise Shelley // Global issues. The Challenger of Globalization: eJournal USA. — 2006. — Febr. — P. 42–46. — Mode of access: usa.usembassy.de>etexts/ijge0206.pdf.
15. Мацкевич И.М. Организованная экономическая преступность / И.М. Мацкевич // Мониторинг правоприменения. — 2016. — № 1 (18) — С. 4–10.
16. Репецкая А.Л. Российская организованная преступность: характеристика современного развития / А.Л. Репецкая // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2015. — № 4 (75). — С. 65–74.
17. Горшенков Г.Г. Коррупционная должность / Г.Г. Горшенков, Г.Н. Горшенков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — № 2. — С. 247–252.
18. Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? / В.И. Морозов, Д.А. Григорьев // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 4. — С. 50–58.
19. Вайле С.П. Квалифицирующие признаки банды: устойчивость или организованность / С.П. Вайле // Общество и право. — 2008. — № 1. — С. 140–143.
20. Шпак С.И. Криминальная субкультура как социальный феномен / С.И. Шпак // Общество и право. — 2012. — № 2. — С. 271–275.

REFERENCES

1. Kapinus O.S., Shoror A.O. Contemporary global trends in organized crime. *Sovremennoe ugovolnoe pravo v Rossii i za ru-bezhom* [Contemporary Criminal Law in Russia and Abroad]. Moscow, Bukvoed Publ., 2008, pp. 294–315. (In Russian).
2. Karpets I.I. *Prestupnost': illyuzii i real'nost'* [Crime: Illusion and Reality]. Moscow, Rossiiskoe pravo Publ., 1992. 267 p.
3. Luneev V.V. Organized crime in Russia: understanding, sources, trends. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1996, no. 4, pp. 25–27. (In Russian).
4. Semerнева N.K. *Kvalifikatsiya prestuplenii (chasti Obshchaya i Osobennaya)* [Qualification of Crimes (General and Special Parts)]. Yekaterinburg, Urals State Law Academy Publ., 2010. 296 p.
5. Kuz'mina N.V. Activation of organized ethnic criminal groups as a consequence of changes in the criminal situation in contemporary Russia. *Migratsionnoe pravo = Migration Law*, 2009, no. 3, pp. 15–22. (In Russian).
6. Lavygina I.V. A general characteristic of organized crime in the timber industry of Irkutsk Region and the Buryat Republic. *Problemy bor'by s organizovannoi prestupnost'yu i korruptsiei* [Issues of Fighting Organized Crime and Corruption]. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2004, iss. 2, pp. 84–94. (In Russian).
7. Chaika Yu. Corrupt officials are covering organized crime. *Rossiiskaya Gazeta*, 2011, January 12. (In Russian).
8. Anoshchenkova S.V. The mechanism of legitimating moral rules (criminal law aspect). *Lex Russica*, 2016, no. 8, pp. 33–47. (In Russian).
9. Tatinova T.G. Organized crime and the youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2000, no. 1, pp. 55–61. (In Russian).
10. Ivantsov S.V. Personal qualities of organized criminal groups' leaders. *Yuridicheskaya psikhologiya = Legal Psychology*, 2008, no. 4, pp. 14–19. (In Russian).
11. Bibik O.N. A system of cultural values as the basis of legal regulation mechanism. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2008, vol. 47, no. 11, pp. 98–101. (In Russian).
12. Malkov V.D. Theoretical, legal and organizational issues in the work of internal affairs' bodies on the prevention of crimes and other offenses. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2008, no. 5, pp. 175–182. (In Russian).
13. Robinson Jeffrey. *The Merger. The Conglomeration of International Organized Crime*. Woodstock & New York, The Overlook Press, 2000. 383 p.
14. Shelley Louise. The Globalization of Crime and Terrorism. *Global issues. The Challenger of Globalization: eJournal USA*, 2006, February, pp. 42–46. Available at: usa.usembassy.de>etexts/ijge0206.pdf.
15. Matskevich I.M. Organised economic crime. *Monitoring pravoprimeneniya = Monitoring of Law Enforcement*, 2016, no. 1 (18), pp. 4–10. (In Russian).
16. Repetskaya A.L. Russian organized crime: a characteristic of modern development. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2015, no. 4 (75), pp. 65–74. (In Russian).

17. Gorshenkov G.G., Gorshenkov G.N. Corruption-prone positions. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2013, no. 2-1, pp. 247–252. (In Russian).

18. Morozov V.I., Grigor'ev D.A. How to identify the person holding the highest position in the criminal hierarchy? *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 4, pp. 50–58. (In Russian).

19. Vaile S.P. Qualifying attributes of a criminal gang: sustainability or organizational structure. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2008, no. 1, pp. 140–143. (In Russian).

20. Shpak S.I. Criminal subculture as a social phenomenon. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2012, no. 2, pp. 271–275. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анохов Игорь Васильевич — доцент кафедры экономической теории и институциональной экономики Байкальского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: i.v.anokhov@yandex.ru.

Кузнецова Ирина Альфредовна — доцент кафедры информатики и кибернетики Байкальского государственного университета, кандидат технических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: iak_irk@bk.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Анохов И.В. Моделирование организованной экономической преступности / И.В. Анохов, И.А. Кузнецова // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 2. — С. 327–336. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).327-336.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anokhov, Igor V. — Ass. Professor, Chair of Economic Theory and Institutional Economy, Baikal State University, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: i.v.anokhov@yandex.ru.

Kuznetsova, Irina A. — Ass. Professor, Chair of Computer Science and Cybernetics, Baikal State University, Ph.D. in Engineering, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: iak_irk@bk.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Anokhov I.V., Kuznetsova I.A. Modeling of organized economic crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 327–336. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).327-336. (In Russian).